

Александр
Тамоников

КОМЕНДАНТСКИЙ ГОД

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Комендантский год / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-110667-6

На оккупированной фашистами территории Орловской области создано так называемое Локотское самоуправление — антисоветский регион под управлением бургомистра Каминского. Полная автономия и собственная «освободительная армия» — чем не союзники Гитлеру? Накануне наступления Красной Армии СМЕРШ разрабатывает операцию по уничтожению главаря автономии. Майору контрразведки Вадиму Зорину поручено через сестру Каминского убедить бургомистра сдаться. В противном случае предателя ждет смерть. Границу мятежной области оперативная группа прошла беспрепятственно. А дальше начались неподвижные трудности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110667-6

© Тамоников А.А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

— Сыч, патруль!

Серая личность в кепке спрыгнула с фундамента, пронеслась вдоль здания и скрылась за углом.

Решетка на окне продмага заметно покосилась, но держалась. Несколько минут они упорно выворачивали ее из кирпичной стены и управились бы с этим делом, если бы не досадная заминка.

Лунная ночь накрыла город. По небу плыли перистые облака. Погода для начала лета была вполне сносной.

Задняя сторона здания выходила в узкий проулок. По обеим его сторонам тянулись бетонные заборы.

Гулко отдавались шаги. Из-за поворота показался патруль — солдат, ефрейтор и сержант. В лунном свете поблескивали пуговицы на гимнастерках, звездочки на фуражках с синими тульями. В ночное время город патрулировали подразделения НКВД по охране тыла действующей армии.

Четыре месяца назад, 8—9 февраля 1943 года войска Воронежского фронта генерал-лейтенанта Голикова освободили Курск. Преступность в городе цвела махровым цветом. Ни патрули, ни приказ расстреливать на месте не могли ее остановить.

Патруль вошел в переулок. За спинами бойцов покачивались карабины Мосина, принятые на вооружение еще в тридцать восьмом году. Первым шел сержант. Внезапно он остановился, поднял руку. Патрульные замерли. По их напряженным лицам блуждали тени.

Сержант медленно повернул голову и уставился на решетку складского помещения продмага, находившуюся у него под боком. Он включил фонарь. Луч света забегал по облезлой штукатурке и ржавым прутьям. Там, где штырь сварной конструкции вгрызлся в стену, кладка была раскрошена. Однако сержант не обратил на это внимания.

Город спал беспокойным сном. Он еще не оправился от пятнадцати месяцев оккупации. С южной окраины доносился невнятный гул. Где-то в глубине кварталов прозвучала автоматная очередь, потом там же гавкнула собака.

— Все в порядке? — спросил ефрейтор, стоявший за спиной сержанта.

— Да, пошли, — сказал начальник патруля и двинулся дальше.

Подчиненные потянулись за ним и вскоре скрылись из виду. Несколько минут округа по-

малкивала. Потом из-за угла обрисовались два нечетких силуэта.

Один воришка глухо хихикнул и проговорил:

— Обделался ты, Дося? То ж тупые винтовые. Они дальше носа не видят и в ушах у них затычки, а ты весь вспотел, капля на носу висит. Да и запашок от тебя убойный. Струхнул, подельник?

— Жало завали, Сыч, — процедил второй. — И вообще за метлой следи. Сам ты обделался. Чего им надо тут? Странные они какие-то. Патрули всегда по проспектам и бульварам ходят, там светлее и неопасно. А эти в глушь залезли. Ладно, хрен с ними. Ты уверен, что дело верное?

— Верное, Дося. — Ночной воришка пристально вглядывался в темноту. — Лялька, кошка блатная, мамой божилась, что добыча золотая будет. Коньяк и тушенку сюда привезли, рыбные консервы, еще какой-то дефицит. Директор половину заныкал, чтобы барыгам на черный рынок сдать, в подвал спрятал. Решетку я почти сделал, Лялька говорит, там комната, рядом лестница. Мы будем в шоколаде. Гребем добро и сваливаем отсюда. Сторож на ухо тугой. Он на другой стороне сидит, в каморке. Ты глушарь взял?

— А то, Сыч! — Его сообщник похлопал себя по оттопыренному карману.

Там лежал мешочек с песком, идеальный инструмент, если хочешь вырубить человека, не доводя дело до греха.

— Ладно, стой на стреме, я пошел. — Воришка на цыпочках припустил вдоль стены, собрался доламывать решетку.

Второй отступил за угол, чтобы не мерцать в лунном свете.

Патруль НКВД продолжал движение. Переулок вывел его на улицу Октябрьскую, застроенную добротными каменными домами. В этой части Курска большинство зданий сохранилось, была восстановлена подача электричества. Воронки на проезжей части рабочие засыпали щебнем, распилили и увезли упавшие деревья.

В два часа ночи улица была пустынной. Откуда-то с южной стороны доносилась стрельба, но она не нервировала. Обычно бывало хуже, сегодня — просто праздник тишины. Пятна мглистого света плыли по плитам тротуара.

В период оккупации здесь был променад. Чуть дальше функционировал кинотеатр «Заря», где для немцев крутили фильмы с Марлен Дитрих, Ольгой Чеховой и Лени Рифеншталь. Работали кафе, рестораны, бильярдные залы, процветали бордели для утоления физиологических нужд голубоглазых арийцев. Сейчас здесь, разумеется, уже не было ничего подобного.

Сержант посмотрел по сторонам и двинулся в восточном направлении. Дома казались безжизненными. Свет в окнах не горел. Комендантский час был в разгаре. Солдаты не разговаривали, шли по маршруту.

Свет фар прорезал тьму. Патрульные сняли с плеч карабины. Старший шагнул на тротуар и хотел было остановить машину, но воздержался. Комендантская полуторка с автоматчиками в кузове прогремела мимо.

— Все в порядке? — крикнул из кабины офицер.

— Так точно, товарищ... — Сержант замялся. Он не видел погоны офицера.

— Счастливой службы! — заявил тот.

Полуторка растаяла, погасли габаритные огни.

Сержант огляделся и буркнул:

— Пошли!

Патруль двинулся дальше. Вскоре из мрака вырос четырехэтажный дом с двумя подъездами. Сохранился он неважно, стены растрескались, лепнина осыпалась с карнизов. Патруль приблизился к зданию.

Поблизости не было ни одной живой души. Растительность, окружавшая здание, создавала экран, глушила отдаленную стрельбу.

Дверь в подъезд отворилась без скрипа. Петли недавно были смазаны. Гостей встретило гулкое парадное, широкие каменные ступени, устремленные ввысь.

Электричество в подъезде не работало. Фонари патрульные включать не стали, поднимались в темноте, держась за перила. Между лестничными маршами в высокие окна просачивался мутный свет, обрисовывал стены, изъеденные разводами. Темнели двери, обитые дерматином.

Дом строился еще в царские времена — широкие лестничные марши, объемная вертикальная шахта между пролетами.

Сержант ступил на площадку второго этажа, прислушался и на цыпочках отправился дальше.

Разошлись облака. Ярко-желтая луна заглянула в дом, мазнула светом облезлый подоконник.

Патрульные поднялись на третий этаж. На площадке было три двери. Сержант включил фонарь, убедился в том, что стоит перед нужной квартирой, и собрался постучать.

Тут из ниши, расположенной по соседству, вдруг послышалось урбное урчание.

Тревога! Патрульные скинули карабины с плеч. Старший опять включил фонарь.

В нише что-то ворочалось, бурчало. Это явно была не собака. На полу, свернувшись клубком, лежал небритый мужик в старом пиджаке и клетчатых брюках. Физиономия как у трубочиста. Он сунул грязный кулак под щеку, стонал, чмокал губами, негодуя заурчал, когда луч света уперся ему в лицо.

Патрульные недоуменно переглянулись. По губам кряжистого ефрейтора со шрамом под носом пробежала усмешка. Подался вперед осанистый рядовой, придержал фуражку, потянул носом и отпрянул. От мужика исходил удушливый запах сивухи.

— Бухарик хренов, — пробормотал рядовой. — Нажрался, скотина, в дым, до дома не

дошел, если есть у него какое-то жилье. Слышь, синий, ты живой там? — Он пихнул носком сапога скрюченное туловище.

Пьяница замахал руками. Дескать, изыди, сатана.

Сержант колебался. На это он не рассчитывал. Но алкаш был самый настоящий, пробы ставить негде. Находят же такие скоты где-то пойло в это сложное для страны время!

— Что делать будем? — прошептал ефрейтор. — Оставим как есть?

— Может, кончим его? — предложил рядовой. — Ножом по горлу и молчок, пусть дальше лежит.

— Сдурел? — Сержант поморщился. — Чтобы завтра тут милиция шерстила? Все дело провалить хочешь? Вот зараза, как же он тут некстати. Короче, так. Поднимайте забулдыгу и тащите на улицу. Мы патруль или кто? В кустах бросите, пусть дальше спит, утром не вспомнит ничего. Приголубьте по затылку, чтобы не шумел на весь подъезд.

Сержант нагнулся, преодолевая отвращение, схватил пьяного за ворот. Тот зафыркал, глаза его открылись, в них проснулось что-то осмысленное.

— Мужики, где я? А вы кто? Вот мать честная, перебрал, кажется, не дошел до дома. Я тут наверху живу. — Он начал возиться, подтянул под себя ноги. — Слышь, братишка, помоги подняться.

Чего же не помочь?

Удар под дых был ослепительный. В горле у сержанта перехватило, он упал на колени, схватился, задыхаясь, за живот. Пьянчуга отпихнул его ногой, чтобы не мешался.

— СМЕРШ! Не двигаться, вы окружены! — забилося эхом в подъезде.

Захлопали двери наверху и внизу, выбежали люди. Патрульные бросились врассыпную.

Рослый рядовой устремился вниз, стряхнул с плеча карабин. Он пролетел половину марша, закружился как юла, выстрелил. Пуля оставила вмятину на потолке.

Ответный выстрел отшвырнул солдата к стене. Он отскочил от нее, как резиновый мяч. Пуля пробила ему плечо. Рядовой ударился животом о перила, перегнулся вниз. Бездна поволокла его к себе, распахнула черные объятия.

Солдат перевалился через перила, полетел вниз, махая конечностями. Высота была незначительной, два с половиной этажа, но внизу его поджидал каменный пол. Да и упал он неудачно. Хрустнули шейные позвонки.

Участь ефрейтора была не лучше. Он оттолкнул оперативника, бросился наверх, в три прыжка домчался до площадки между этажами. Там из ниши наперерез ему бросился сотрудник контрразведки. Они столкнулись, как разогнавшиеся автомобили. Ефрейтор был не слабый, но его противник выдержал таран и провел подножку.

Ефрейтор покатился по длинному пролету, считая ступени. Он упал на каменный пол, разбросал руки. Позвоночник его был сломан. Из раскроенного черепа сочилась кровь.

Сотрудник в штатском скатился следом, нагнулся над телом.

— Готов, товарищ майор.

— И этот готов! — донесся из парадного звонкий голос. — Упал неудачно, товарищ майор!

— Ладно, главного все равно взяли, — сказал офицер, исполнявший роль забулдыги.

Он стащил с себя тужурку, пропитанную си-вушным пойлом, и отбросил ее в нишу. Ему смертельно надоела эта вонь.

Сержант застонал, медленно поднялся, держась за живот, тут же получил кулаком по челюсти и лишился чувств.

— И верно, товарищ майор, пусть полежит, — сказал старший лейтенант Рохлин, обхлопал карманы мертвеца, выудил красноармейскую книжку, стал знакомиться с ней, подсвечивая фонарем.

При этом он так гримасничал, словно читал научную фантастику, потом покосился на командира, который обыскивал бесчувственного сержанта.

— Ну и вонища от вас, товарищ майор! Вы хорошо подготовились, с душой, так сказать.

— Использую специальные средства, Рохлин, — ответил майор контрразведки Вадим Зорин, плечистый мужчина с короткими светлыми волосами.

В карманах сержанта нашлись потрепанные документы, удостоверяющие его красноармейскую сущность, сложенные вчетверо листы с печатями комендатуры. Все они были толковые. Спецы из абвера неплохо научились подделывать официальные советские бумаги.

В просторном подъезде царил убийственная тишина. Из квартир никто не высовывался. Глухие персоны тут вряд ли проживали. Все слышали «волшебное» слово «СМЕРШ».

— Наши на местах, товарищ майор, — сказал, поднимаясь, лейтенант Ефремов, молодой, но перспективный, если не убьют. — Подъезд перекрыт, никто не пройдет ни сюда, ни обратно. Тот тип, который сверзился, вообще в хруст, не подфартило ему. А здорово вы сыграли, товарищ майор, восхищаемся мы вами. — В полумраке сверкнули белые зубы, которые не портила никакая махорка. — Водочка-то целебная оказалась? Как же точно вы рассчитали, что к резиденту сегодня связные придут. А ведь те еще артисты, под патруль работали. Надо до такого додуматься!

— Фантазия неисчерпаема, Паша. Если мы хотим чего-то добиться, то должны и в этом их переигрывать. Рохлин, остаешься в подъезде! Пройди по квартирам, успокой жильцов, заодно попроси какое-нибудь тряпье, чтобы прикрыть эти мощи. наших внизу предупреди, что может нагрянуть милиция. Гоните ее в шею. Вызвать машину, чтобы забрали тела. Ефремов, со мной!

Сержант зашевелился, приходя в себя. Сотрудники контрразведки СМЕРШ с любопытством разглядывали его. Это был явно не юнец, тридцать с серьезным гаком. Лицо усыпали оспины, короткая стрижка обнажала залысины. Сержантская форма была не новой, но еще не заношенной. Лазутчик открыл глаза цвета болотной мути, шумно выдохнул.

Зорин тут же хлестнул его по скуле. Оперативники перевернули обмякшее тело на спину, стянули запястья его же собственным ремнем.

Отворилась дверь девятнадцатой квартиры.

Оттуда высунулся лейтенант Рябышевский, еще один сотрудник третьего отдела, и деловито спросил:

— Водичкой польем?

— Давай.

Лейтенант вынес из квартиры ведро воды, выплеснул на сержанта. Тот задергался, стал браниться сквозь зубы. Рябышевский схватил его за шиворот, придал вертикаль и втолкнул в квартиру.

Окна были плотно задернуты. Работал настенный светильник, озаряющий унылую обстановку.

На продавленном канаве восседал грузный человек в исподнем. Это был Василий Тарасович Белоконь, агент абвера с псевдонимом Гром, по совместительству директор автотранспортного треста.